

les arrondissements 7, 13, 60 etc.; des inexactitudes nommées (qui sont, probablement, présents aussi dans les autres cartes) ne peuvent altérer les aires générales, constatées par A. Népokoupy qui sont, à notre avis, tout à fait justes.

Dans la troisième partie de son travail l'auteur utilise le matériel du vieux prussien (p. 104 etc.) dont l'importance, bien qu'il soit pauvre, est très grande sous plusieurs rapports. Pourtant l'auteur n'a pas employé et, par conséquent, il n'a pas interprété les données soit de dérivation (les autres données ne sont pas attestées) du vieux prussien: v.-pruss. *-peawne* (= lit. *piāūnis*, lett. *pļava* „le pré, la prairie“ : lit. *piāuti...*), v.-pruss. *piuclan* „la fausille“ ([= lit. *piūklas* „la scie“] ← lit. *piātuvas* „la faucille“ : lit. *piāu-ti...*). En ce qui concerne l'expression *gýslą kiřsti* (p. 122) cf. les dérivés: lit. *keřslas* „Aderlasseisen“ (: lit. *kiřsti*) ≈ v.-pruss. *kersle* „zweischneidige Axt; Haue“ (: v.-pruss. *kyrteis*). Les données pareilles de dérivation (non seulement du vieux prussien) feraient plus de lumière dans la solution par A. Népokoupy des problèmes correspondantes.

L'auteur en analysant une aire des formations lituaniennes à l'aide de *-ininkas* ne tient pas compte de l'existence *-ininkas* et *-inykas*, qui n'ont qu'une commune *-ininkas* dans le langage littéraire et jamais dans les dialectes; c'est pourquoi il fallait quand même distinguer des sous-aires correspondantes pour *-ininkas* et *-inykas*.

En terminant notre bref aperçu de ce travail bien réussi nous voulons souhaiter à son auteur, bon savant et ami sincère des études baltes, de nouveaux succès dans les recherches analogiques.

V. Mažiulis

Raymond Schmittlein, **Les noms d'eau de la Lituanie**, — „Revue International d'Onomastique“, Paris, XV (1963), 241 — 250; XVI (1964), 15 — 20, 81 — 88; 161 — 168, 281 — 292.

Р. Шмитлейн является одним из самых продуктивных зарубежных ученых, занимающихся исследованием балтийской, в основном литовской, ономастики. Его научная деятельность в этой области началась в 1938 г., когда Р. Шмитлейн выступил с докладом на первом международном топонимическом и антропологическом конгрессе в Париже¹. С тех пор Р. Шмитлейн постоянно занимается изучением литовских собственных имен, результаты своих наблюдений публикуя в основном в журнале *Revue International d'Onomastique* (как известно, Р. Шмитлейн является одним из директоров этого журнала). В 1948 г. вышла из печати его монография „Литовская топонимия“², а вслед за ней показалось еще несколько статей на эту тему³. К сожалению, большинство этих исследований, даже книга „Литовская топонимия“, не получили критической оценки⁴. Этому молчанию способствовало ряд обстоятельств, затруднявших определение принципиального отношения к иссле-

¹ R. Schmittlein, Notes de toponymie lituanienne, „Premier Congrès International de Toponymie et d'Anthroponymie, Actes et Mémoires“, Paris, 1938, 214 — 222.

² R. Schmittlein, Études sur la nationalité des Aestii, I, Toponymie lituanienne, Bade, 1948.

³ R. Schmittlein, Quatre toponymes germaniques en Lituanie, *Revue International d'Onomastique* (в дальнейшем — RIO), 1949, № 1; Le nom de la rivière Oka, RIO, 1958, № 4; Deux hydronymes lituano-scandinaves, „Actes et Mémoires de IIIe Congrès International de Toponymie et d'Anthroponymie“, Louvain, 1951.

⁴ Попутные замечания (см. В. С а в у к у н а с, Dėl kai kurių vandenvardžių kilmės ir darybos, Lietuvių kalbos morfologinė sandara ir jos raida, Vilnius, 1964, 239; А. В а н а г а с, Dėl kai kurių Lietuvos miestų vardų etimologijų — рецензия на статью Р. Шмитлейна Quatre toponymes germaniques en Lituanie, LKK VI (1963) 330 — 333 не могут заменить обстоятельной оценки трудов Р. Шмитлейна.

дованиям Р. Шмитлейна. Но последняя обширная его статья „Водные названия Литвы“ уже не может быть обойдена молчанием, так как недостатки и ошибки методологического и фактического характера, проявившиеся в работах Р. Шмитлейна и раньше, в ней доведены до крайности.

Уже в книге „Литовская топонимия“ Р. Шмитлейн выдвинул тезис о том, что в литовской топонимии имеются гидронимы, без каких-либо изменений происходящие от германских личных собственных имен (*Virinta, Širvinta, Gedika*). Но труды других ученых, работавших в то время в области литовской топонимии (П. Йоникас, Я. Отрембский⁵), явно противоречили этому тезису Р. Шмитлейна. Тогда он написал статью, направленную в основном против П. Йоникаса и Я. Отрембского⁶. В этой статье Р. Шмитлейн еще более увеличивает число литовских гидронимов, которых он считает возникшими от германских личных собственных имен. В следующей статье „Балтийские гидронимы на *-nt-* и проблема *antia*“⁷ Р. Шмитлейн находит, что большинство литовских гидронимов, имеющих *-nt-*, как суффиксальные (*Viešintà, Visinčią, Virintà* и др.), так и антропонимические, происходящие от сложных личных собственных имен (*Daumantas, Germantas, Skomantas*), являются гидронимами германского происхождения. Подобные мысли, опираясь на мнение Р. Шмитлейна, выразил и А. Зен⁸. В частности, А. Зен, вслед за Р. Шмитлейном, утверждает, что корень *-mant-* в литовской антропонимии заимствован из германского *-mund-*. Справедливые возражения Я. Отрембского⁹ на статью А. Зена послужили непосредственным поводом для появления статьи „Водные названия Литвы“. Озабоченный тем, чтобы мнение Я. Отрембского не повлияло на других исследователей (так автор определяет цель своей статьи в вводных замечаниях), Р. Шмитлейн решил окончательно доказать существование в литовской топонимии гидронимов, возникших прямо от германских личных собственных имен. В вводных замечаниях он говорит, что таких гидронимов насчитывается свыше двухсот (в статье их приведено меньше, около ста шестидесяти).

В исследовательской части статьи в алфавитном порядке даются литовские гидронимы и параллельно приводятся германские личные собственные имена, от которых, по мнению Р. Шмитлейна, гидронимы происходят.

Что же представляют собой эти сопоставления? Во первых, нужно сказать, что литовский топонимический материал в статье Р. Шмитлейна не очень аутентичен. Некоторые гидронимы даются в искаженной форме, напр.: *Aldikas* — должно быть *Aldikis*, *Ašvintė* — должно быть *Ašvintė*, *Birvytas* — должно быть *Birvėtā*, *Bugenis* — *Būgėnis*, *Dratvinė* — *Dratvuõ* || *Dratvinys*, *Gaustvin* — *Gaištvinis*, *Gedavardė* — *Giedavardys*, *Gelotis* — *Gėluotas*, *Usantė* — *Ušantė*, *Višvilka* — *Viešvilė* и др. В литовской топонимии существует категория генитивных гидронимов, но в статье Р. Шмитлейна такие гидронимы предположены как номинативные, напр.: *Alvitas* — должно быть *Alvito ežeras*, *Gaistautas* — должно быть *Gaištauto upėlis*, *Gedminas* — должно быть *Gedmino ežerėlis*, *Milvydas* — *Milvydo ežeras*, *Narbučiai* — *Narbūčių ežeras*, *Vytartas* — *Vytartų upėlis* и др. Кроме того, в списке Р. Шмитлейна есть гидронимы,

⁵ P. Jonikas, Zu den litauischen Ortsnamen, BzN, 1950/51; J. Otrębski, La formation des noms physiographiques en lithuanienne, LP I (1949).

⁶ R. Schmittlein, Voies et impasses de la toponymie lituanienne, RIO 1958 № 2.

⁷ R. Schmittlein, Les hydronymes baltiques en *-nt-* et le problème de *antia*, RIO 1960 № 4.

⁸ A. Senn, Zur Bildung litauischer Gewässernamen, „Annali dell'Instituto Universitario Orientale, Sezione Slava“, II, Napol, 1959.

⁹ J. Otrębski, Personen- oder Familiennamen als Gewässernamen in Litauen, — BzN 1961 H. 1.

которые в данное время неизвестны (*Almantas, Bergailis, Bugirda, Daumantas, Druktinas, Drundis, Kargantas, Mervainis, Sevgina* и др.), хотя теоретически существование некоторых из них возможно.

Неаутентичность литовского гидронимического материала, несомненно, снижает научную ценность статьи, но это — не самый большой недостаток. Более значительные сомнения вызывают сопоставления литовских гидронимов с германскими личными собственными именами.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что не все сопоставления одинаковы. Некоторые из них при правильном методологическом подходе могут быть даже полезными, ср. *Burgis* оз. и антр. (= антропоним) *Burga, Burgo, Burgio*; *Dáujotas* р. (= река) и антр. *Dowyatt* и несколько других, но большинство сопоставлений вряд ли можно называть лингвистическими. При сравнении Р. Шмитлейн поступает так: берет литовский гидроним и параллельно пишет близкие по звучанию германские антропонимы. Источником для германских антропонимов служат как современные германские фамилии, так и материалы различного рода исторических документов, начиная с самых отдаленных веков. Р. Шмитлейн в таких случаях не задумывается ни над правильностью форм таких антропонимов, ни над фонетическими законами, позволяющими подобное сравнение. Создается впечатление, что Р. Шмитлейну важно только одно — чтобы было хоть какое-нибудь созвучие. Вот несколько примеров: *Aibutis* — сложное из *Agi* и *Bodi*, ср. *Acbod*, или из *Aevo* и *bod*, ср. *Eubodius*; *Almantas* — первый элемент из *Agi* или из *Aiva*, ср. *Agimund, Eumund*; *Ašmena* — сложное из *Ansi* и *Minno*, ср. *Osminna*; *Ašvintė* — сложное из *Ansi* и *Windo*, засвидетельствовано в форме *Ansoindis*; *Birvytas* — сложное из *Biri* / *Berus* и *Wydo*, засвидетельствовано в форме *Beroidis*; *Degutė* — сложное из *Dago* и *Gauto*, засвидетельствовано в форме *Dagaud*; *Dimka* — деминутив с *k* от *Dimo*; *Dubeikis* — деминутив с *k* от *Dabicho*; *Dratvinė* — сложное из *Druto* и *Vini*, засвидетельствовано в форме *Drudwin* и *Truotwin*; *Gystukas* — сложное из *Gaiso* и *Stucchus*; *Gystus* — искаженная форма из *Gasti*; *Kerotis* — имя засвидетельствовано в форме *Aruth*, ср. женское имя *Heruta*; *Širvinta* — ср. герм. антр. *Gyroind, Gerwint*; *Vaja* — ср. герм. антр. *Wiho* или *Wia* и т.п. Нередки и такие случаи, когда литовский гидроним Р. Шмитлейну кажется германским, но в германской антропонимии нет ему созвучного личного собственного имени. Р. Шмитлейн находит выход и из такой затруднительной ситуации. Он берет литовский гидроним, а за ним ставит два германские личные собственные имена, которые оба вместе походят на литовский гидроним (*Bytvanas* — из *Beund* и *Wano*, *Bugirda* — из *Bodo* и *Gardo*, *Butrimas* — из *Bodo* и *Rimo*, *Gedvydis* — из *Geddo* и *Wido*, *Milvydas* — из *Millis* и *Wid*, *Šyšvantas* — из *Siso* и *Vando* и др.). Причем один антропоним иногда берется из одного, второй — из совсем другого источника.

Р. Шмитлейн не всегда соблюдает и фонетические законы, позволяющие или не позволяющие сравнивать литовские и германские имена. Например, при сопоставлении лит. *Almantas* (такого гидронима, как уже было сказано, нет, но есть фамилия *Almantas*) с герм. *Agimund* очевидно несоответствие между *al-* и *ag-*: лит. *al-* не могло возникнуть из герм. *ag-*. Литовский гидроним *Ašvintė* (Р. Шмитлейн пишет *Ašvintė*) нельзя выводить из герм. *Ansoindis* (или из *Anso* и *Windo*), так как лит. *až-* (*aš-*) не соответствует герм. *ans-*. Таких необоснованных сравнений очень много. Но пожалуй самые крупные ошибки Р. Шмитлейн допустил при трактовке структуры литовских гидронимов. В частности, автор статьи не всегда отличает, например, сложное название от суффиксального. Случаи, когда сложное слово понимается как суффиксальное (напр., *Буваїніс* — название озера, образованное от сложного антропонима *Буваїніс*, ср. *By-gaudas, By-tautas* и *Vainys, Vainoras*), встречаются только изредка, зато особенно часты такие случаи, когда суффиксальные гидронимы

у Р. Шмитлейна понимаются как сложные. Примечательно то, что многие такие гидронимы в балтийской топонимической литературе многократно были отнесены к суффиксальным (К. Буга, Я. Ендзелинс, Г. Герулис, П. Скарджюс, Я. Отрембский и др.), однако Р. Шмитлейн эти исследования обходит молчанием. Вот некоторые из таких неточностей:

Ašmenà — не сложное из *Ansi* и *Minno*, а производное от *ašmuō*, ср. *Akmenà* р. — *akmuō*¹⁰, *Lomenà* р. — *lomuō*, *Armenà* р. — *armuō*.

Birvètà — не сложное из *Birvi|Birus* и *Wido*, а производное с суфф. *-èta*, ср. *Birv-à* р. и *Baršk-ètà* р., *Erzv-ètà* р., *Sirv-ètà* р.

Degùtè — не из *Dago* и *Gauto*, а производное от *degùtas* „деготь“, что подтверждается и вариантом этого названия *Smalinis Pēčius*, ср. *Degùt-inè* р.

Dratvuō || *Dratvinỹs* — не из *Druto* и *Vini*, а суффиксальное, что видно и из формы *Dratvuō*, ср. *Vaidmuō* || *Vaidminas* р.

Dirsteikà — не из **Thurso*, реконструируемого из *Thorisarius*, *Thurismond*, и *Deiko*, *Teiko*, а производное с суфф. *-eika*, ср. *Dirs-nè* р. и *Liep-eikà* р. *Vyd-eikà* р.

Gervinè — не из *Gairo* и *Vini*, а производное с суфф. *-inè*, ср. *Gérvè* р., *Geřvè* р., *gérvè* „журавль“.

Название реки *Ažvintè* — не сложное из *Ansi* и *Windo*, а производное с префф. *až-*: *Až-vintè* < **Až-ventè*, ср. *Ventà* р.

Название реки *Gystùkas* Р. Шмитлейну кажется сложным, из *Geiso*, *Geso* и *Stucchus*. В действительности *Gystùkas* является деминутивом от *Gystùs* (река *Gystùkas* впадает в реку *Gystùs*), ср. *Vidáuja* р. — её приток *Vidauj-ùkas*, *Armenà* р. — приток *Armen-iùkas*, *Bebirva* р. — приток *Bebirv-iùkas* и т.д. Для названия *Gystùs* по-видимому не нашлось созвучного германского личного собственного имени, и Р. Шмитлейн назвал его извращенной формой от *Gasti*.

Несколько десятков литовских суффиксальных гидронимов Р. Шмитлейн считает деминутивами от германских личных собственных имен. В связи с этим нужно сказать, что, во-первых, Р. Шмитлейн термину „деминутив“ придает черезчур широкое значение: деминутивами он называет почти все суффиксальные образования, что не соответствует действительности. Во-вторых, образование литовских гидронимов от личных собственных имен с такими суффиксами, как *-eika*, *-eikis*, *-eižis*, *-anta*, *-otè*, *-ota*, *-ena*, *-eiža*, *-istas*, *-inta*, *-ėnas*, *-ika*, *-uotas*, *-ila*, *-enis* и др., вообще не имеет места. Поэтому уже одно это обстоятельство не позволяет гидронимов *Dubeikis*, *Duobeižis*, *Gadeika*, *Gamanta*, *Gaveikè*, *Gavėnas*, *Gedika*, *Gedotè*, *Gėluotas*, *Gamena*, *Krakila*, *Maleiša*, *Miliotè*, *Mineikis*, *Radeikis*, *Raseika*, *Sabeikè*, *Savistas*, *Širvinta*, *Taujenis*, *Ūbeika*, *Ušantè*, *Vaidotas*, *Vajota*, *Vileikis*, *Viveikis* и др. считать „деминутивами“ от германских личных собственных имён. Но главное здесь то, что германскому происхождению этих (и многих других) гидронимов решительно противоречит вся система балтийской гидронимии. Это обстоятельство Р. Шмитлейн упускает из виду и гидронимы рассматривает „голые“, вырванные из системы балтийской топонимии. Следуя по такому пути, нетрудно найти созвучные германские личные собственные имена не только для части гидронимов многих индоевропейских языков, но и для части, например, финно-угорской гидронимии. Кто может поверить, что, например, название реки *Dubeikis*— „деминутив... от *Dabicho*“, когда рядом с ним имеем такие гидронимы как *Dub-ālè*, *Dub-aūsis*, *Dùb-è*, *Dub-ēlè*, *Dub-ēlis*, *Dùb-ės*, *Dub-ijà*, *Dùb-iké*, *Dub-inè*, *Dùb-is*, *Dub-ysà*, *Dub-ūlis*, *Dùb-upis*, ср. латыш. *Dub-i*, *Dub-eja*, *Dub-elis*, *Dub-inè*, пр. *Dub-ekart*, лит. *dùb-ti* „оседать, впадать“, *dùbè* „западина“.

¹⁰ См. В. Топоров, Две заметки из области балтийской топонимики, „Rakstu krājums, veltījums akadēmīķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam“, Rīgā, 1959, 261.

dubùs „глубокий“. Такая же картина и с гидронимом *Duobeižis* (ср. лит. *Duob-aitė, Duob-ālė, Duob-ė, Duob-ėlė, Duob-enas, Duob-inis, Duob-ys, Duob-ūlis, Duob-upis, duob-ė*, „яма, впадина“). Список таких необоснованных толкований можно продолжить. Например, нет никакого основания гидроним *Širva* выводить из германского антропонима *Girvau*, а *Širvinta* считать производным от *Širva* и предполагать соответствие с германским антр. *Giroind*, так как *Širvā, Širvinta* и другие (*Širvys* || *Širvena* || *Širvintā* оз., *Širvinas* оз., *Širvėnės ėžeras* оз.) происходят по-видимому от лит. *širvas* „сивый, серый“. Ср. еще: *Krak-ila* — не деминутив от *Crocus* (король Германии в IV в.), а производное с суфф. *-ila*, ср. *Krāk-avas* оз., *Krāk-ežeris* оз., *Krak-inis* оз., *Krak-ūtis* оз. и, может быть, *krāk-ė* „карась“; *Gėl-uotas* — не „деминутив с *t* от *Gelo* или *Gello*, или, возможно, сложное из *Gelo, Gello* и *Atto*“, а производное с суфф. *-uotas* от *gėlas* „пресный“, ср. *Gėl-ys* оз., *Gėl-aīnis* оз., *Gėl-ūžis* оз.

В начале статьи Р. Шмитлейн заявляет, что ему не важно, каким путем эти, по его мнению, германские антропонимы пришли в литовскую гидронимию. Уже это высказывание наводит на мысль, что автор не делает разницы между двумя (правда, тесно связанными) проблемами — проблемой антропонимичных литовских гидронимов и проблемой связи литовской антропонимии с германской. Дальнейшие конкретные исследования это предположение полностью подтверждают.

Как же дело обстоит в действительности?

В формировании системы литовских гидронимов антропонимия приняла участие четырьмя способами: 1. антропоним без изменений становится гидронимом (*Bitautas* р. < *Bitautas* антр., *Butrimas* р. < *Butrimas* антр., *Jōnas* р. < *Jōnas* антр.); 2. гидроним производится от антропонима при помощи суффикса, в основном суффиксов *-inė, -inis, -iškė, -iškis* (*Abrom-inė* р.: *Abrōmas* антр., *Arnaš-inis* р.: *Arnāšius* антр., *Bagdž-iškė* р.: *Bāgdžius* антр., *Aīmon-iškis* р.: *Aīmonas* антр.); 3. антропоним идет первым компонентом сложного гидронима (*Aibūč-iupis* р.: *Aibūtis* антр. и *ūpė* „река“, *Bagdōn-upis* р.: *Bagdōnas* антр. и *ūpė*); 4. антропоним идет первым компонентом составного (генитивного) гидронима (*Derkiñčio upālis* р.: *Derkiñtis* антр. и *upālis* „речка“, *Maūšiaus upėlis* р.: *Maūšius* антр. и *upėlis* „речка“). Эти четыре способа соответствуют четырём структурным типам литовских гидронимов. Последние не равноценны не только в словообразовательном, но и в хронологическом отношении. Поэтому исследователь, не считающийся с тем, каким путём антропонимы пришли в литовскую гидронимию, делает методологическую ошибку.

Литовская антропонимия в генетическом отношении не однородна (это, между прочим, касается антропонимии всех языков). Кроме литовских, в ней есть много славянских, латинских, греческих, германских, еврейских и других личных собственных имен. В формировании системы литовской гидронимии могут участвовать как литовские, так и иноязычные антропонимы. Но это не означает, что в литовской гидронимии есть, например, латинские, греческие, еврейские названия рек и озер. Литовские гидронимы, происходящие от иноязычных антропонимов, не имеют прямой связи с языком — источником этих антропонимов. Тут существует промежуточное звено — литовская антропонимия. Строго говоря, проблема гидронимии кончается с установлением того факта, что гидроним возник (или образован) от антропонима. Дальше начинается другая проблема — проблема соотношения литовской антропонимии с антропонимией славянской, латинской, германской и т.п. Р. Шмитлейн, говоря о германских личных собственных именах в литовской гидронимии, упустил из виду разницу между этими двумя проблемами.

Что касается связи литовской антропонимии с германской, то необходимо подчеркнуть сложность этого вопроса. Сходство между некоторыми самыми древними литовскими и германскими (в основном, кажется, северногерманскими) антропонимами действительно существ-

вует, но в настоящее время нет никакого основания для вывода о том, что это сходство — дело заимствования. Такие имена, как *Býtautas, Byvainis, Būivydas, Butrimas, Daūgirdas, Daūgmantas, Gediminas, Milvydas, Naŗvilas, Radvilā, Skómantas, Vaidótas, Výtartas, Výtautas* и др. мы имеем полное право считать истинно балтийскими¹¹.

В начале статьи Р. Шмитлейн предложил список литовских физиографических терминов. Сам по себе такой список очень нужен, но список Р. Шмитлейна имеет и недостатки. Ценность его снижает тот факт, что автор не указал источников, откуда взяты эти термины. Это важно потому, что некоторые там предложенные термины в таких значениях, как это указано автором статьи, неизвестны (напр., *dravė, ežia, paltis, ringa, sartis*). Отсутствие указания на источник к таким терминам иногда толкает на мысль, что в отдельных случаях они могут быть вообще не аутентичны (напр., *gelnis, penta, piena, varda*).

Здесь было указано только на часть недостатков статьи Р. Шмитлейна „Водные названия Литвы“. Но и они показывают, что к этой статье Р. Шмитлейна (как и ко многим другим его работам по литовской ономастике) нужно относиться с крайней осторожностью и критичностью.

А. Ванас

Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz (Polska Akademia Nauk — Oddział w Krakowie, Prace Komisji Językoznawstwa Nr 5), Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, 394 p.

Tai jubiliejinis leidinys, skirtas pagerbti garsiam lenkų kalbininkui, savo darbais gerai pažįstamam ir baltistams, J. Kurilovičiui jo septyniasdešimties metų sukakties proga (g. 1895.VIII.26). Pradžioje įdėta trumpa jubilato biografija ir jo darbų, paskelbtų 1925—1965 m., chronologinė bibliografija, apimanti 178 pozicijas — knygas, straipsnius, recenzijas (to paties darbo sutrumpinti variantai ar vertimai nurodomi prie pagrindinio darbo ir atskiromis pozicijomis nelaikomi). Toliau eina įvairių kraštų kalbininkų straipsniai, išdėstyti alfabetiškai pagal autorių pavardes. Straipsniai nedideli, po keletą ar, rečiau, keliolika puslapių, tad jų čia tiek daug, kad jau vien plikas pavadinimų sąrašas užimtų bemaž visą nedidutei recenzijai skirtą vietą. Pasirinktų temų ratas be galo platus, kaip platūs ir paties jubilato lingvistiniai interesai. Dauguma straipsnių skirta indoeuropiečių kalbų atskiriems klausimams ar bendresnio pobūdžio jų problemoms nagrinėti, keletas liečia kitų šeimų (daugiausia semitų) kalbas, arti dešimties likusiųjų tyrinėjimo objektą sudaro bendrosios kalbotyros dalykai. Atsižvelgiant į leidinio „Baltistica“ pobūdį, toliau stabtelėjama tik ties tais straipsniais, kurie ištiesai ar bent žymia dalimi skirti baltų kalboms. O tokių šiame rinkinyje, apimančiame iš viso penkiasdešimt tris straipsnius, yra vos trys. Dviejuose iš jų istoriškai tiriami lietuvių kalbos dalykai (viename — fonetika, antrame — leksika), trečiame, pusiau baltistiniame, — senieji baltų skoliniai (jų fonetikos ypatybės) suomių-ugrų kalbose.

I. Tamara Buch, *Przyczynek do rozwoju wokalizmu języka litewskiego* (34—38). Straipsnyje aptariami vakarų aukštaičių pietinės tarmės balsių sistemos esminiai pakitimai, vykę XVII—XVIII a. Remdamasi daugiausia Kleino gramatika, autorė konstatuoja, kad tuo metu, kai baltų *ā* perėjo į *ō*, bet dar neįsigalėjo denazalizacija, šioje tarmėje ilgųjų ir trumpųjų balsių opozicija sutriko: distinktyvi liko tik aukštutinių balsių kiekybė (ir tai tik kirčiuotuose skiemenyse), kitų balsių ilgumą žodžio pradžioje ir vidury nulėmė kirtis; vietoj kiekybės distinktyvus pasidarė atvirumo laipsnis

¹¹ О них см. К. Вūга, RR I—III.